

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРАЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ш.Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

«EDU.E-HISTORY.KZ»
ЭЛЕКТРОНДЫҚ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

2023. 10(1)
ISSN 2710-3994

ISSN 2710-3994 (online)

Құрылтайшысы және баспагері: Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитеті Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Ғылыми журнал Қазақстан Республикасы Инвестициялар және даму министрлігінің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде 2014 ж. 29 қазанында тіркелген. Тіркеу нөмірі № 14602-ИА. Жылына 4 рет жарияланады (электронды нұсқада).

Журналда тарих ғылымының *келесі бағыттары* бойынша ғылыми жұмыстар жарияланады: тарих (дүниежүзі және Қазақстан тарихы), деректану және тарихнама, археология, этнология, антропология.

Жарияланым тілдері: қазақ, орыс, ағылшын.

Редакция мен баспаның мекен-жайы:

050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй

ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru.

Журнал сайты: <https://edu.e-history.kz>

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты 2022
© Авторлар ұжымы, 2023

БАС РЕДАКТОР

Қабылдинов Зиябек Ермұқанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі, ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының директоры (Қазақстан).

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА

Аяған Бүркітбай Ғелманұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҒЖБМ ҒК Мемлекет тарихы институты директорының орынбасары. (Қазақстан).

Әлімбай Нұрсан — тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас ғылыми қызметкері (Қазақстан).

Әбіл Еркін Аманжолұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институтының директоры. (Қазақстан).

Вернер Кунтһиа (Werner, Cynthia) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Техас университеті, (АҚШ).

Голден Кэтти Стромайл (Kathie Stromile Golden) — PhD, Миссисипи өңірлік мемлекеттік университеті (Mississippi Valley State University) (АҚШ).

Кәрібаев Берекет Бақытжанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, «Қазақстан тарихы» кафедрасының меңгерушісі. (Қазақстан).

Қожамжарова Дария Пернешқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университетінің ректоры. (Қазақстан).

Кожирова Светлана Басиевна — саясаттану ғылымдарының докторы, профессор, Фудан Университетінің Қытай және Орталық Азияны зерттеу орталығының мен «Астана» ХҒК бірлескен директоры (Қазақстан).

Дайнер Александр (Diener Alexander) — тарих ғылымдарының докторы, профессор. Канзас университеті, (АҚШ).

Көкебаева Гүлжауһар Какенқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті. (Қазақстан).

Көмеков Болат Ешмұхамедұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Халықаралық қыпшақтану институтының директоры, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Қазақстан).

Матыжанов Кенжехан Ісләмжанұлы — филология ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі, М.О. Әуезов атындағы әдебиет және өнер институтының директоры. (Қазақстан).

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, профессор Оксфордского университета (Великобритания).

Муминов Ашірбек Құрбанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ислам тарихы, өнер және мәдениет ғылыми-зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері IRCICA – İslam Tarih, Sanat ve Kùltür Arařtırma Merkezi. (Түркия).

Римантас Желвис (Želvys Rimantas) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Вильнюс педагогикалық университеті (Литва).

Самашев Зайнолла Самашұлы — археолог, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Герман археология институтының корр.-мүшесі. ҚР ҒЖБМ ҒК Ә. Марғұлан атындағы Археология институты. (Қазақстан).

Смағұлов Оразақ Смағұлұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Балон ғылым академиясының корр.-мүшесі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықтың лауреаты, ғылым мен техниканың еңбек сіңірген қайраткері, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Қазақстан).

Сыдықов Ерлан Бәтташұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ректоры. (Қазақстан).

Таймағамбетов Жәкен Қожахметұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі. (Қазақстан).

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР

Қаипбаева Айнагүл Толғанбайқызы — тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының жетекші ғылыми қызметкері. (Қазақстан).

ҒЫЛЫМИ РЕДАКТОРЛАР

Қозыбаева Махаббат Мәлікқызы — PhD, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Астана қаласындағы филиалының директоры. (Қазақстан).

Қапаева Айжан Тоқанқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының директоры. (Қазақстан).

Кубеев Рустем Жаулыбайұлы — Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері. (Қазақстан).

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Жәлиқызы Раушан — Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының кіші ғылыми қызметкері. (Қазақстан).

ISSN 2710-3994 (online)

Учредитель и издатель: РГП на ПХВ «Институт истории и этнологии им.Ч.Ч. Валиханова»
Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Научный журнал зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан, свидетельство о регистрации: № 14602-ИА от 29.10.2014 г. Публикуется 4 раза в год (в электронном формате).

В журнале публикуются научные работы *по следующим направлениям* исторической науки: история (всемирная история и история Казахстана), источниковедение и историография, археология, этнология, антропология.

Языки публикации: казахский, русский, английский.

Адрес редакции и издательства:

050010 Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко, д. 28

РГП на ПХВ Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК

Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru.

Сайт журнала: <https://edu.e-history.kz>

© Институт истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2023
© Коллектив авторов, 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кабульдинов Зиябек Ермуханович — доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. НАН РК, директор Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК (Казахстан).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алимбай Нурсан — кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Казахстан).

Абиль Еркин Аманжолович — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории государства КН МНВО РК (Казахстан).

Аяган Буркитбай Гелманович — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории государства КН МНВО РК (Казахстан).

Вернер Синтия (Werner, Cynthia) — доктор исторических наук, профессор. Техасский университет, (США).

Голден Кэтти Стромайл (Kathie Stromile Golden) — PhD, Государственный университет долины Миссисипи (Mississippi Valley State University) (США).

Дайнер Александр (Diener Alexander) — доктор исторических наук, профессор. Канзасский университет, (США).

Исагулов Оразак Исагулович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, член-корр. Болонской академии наук, лауреат премии им. Ч.Ч. Валиханова, заслуженный деятель науки и техники, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Казахстан).

Карибаев Берекет Бахытжанович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, заведующий кафедрой истории Казахстана, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Казахстан).

Кожамжарова Дария Пернешовна — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, ректор Южно-Казахстанского университета им. М. Ауэзова (Казахстан).

Кожирова Светлана Басиевна — доктор политических наук, профессор, содиректор Центра исследования Китая и Центральной Азии Фуданьского Университета и МНК «Астана», руководитель Центра китайских и азиатских исследований (Казахстан).

Кокебаева Гульжаухар Какеновна — доктор исторических наук, профессор Казахского национального педагогического университета имени Абая. (Казахстан).

Кумеков Болат Ешмухамбетович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, директор Международного института кипчаковедения Казахского национального университета имени аль-Фараби, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Казахстан).

Матыжанов Кенжехан Слямжанович — доктор филологических наук, профессор, чл.-корр. НАН РК, директор Института литературы и искусства им. М. Ауэзова (Казахстан).

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, профессор Оксфордского университета (Великобритания).

Муминов Аширбек Курбанович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Исследовательского центра исламской истории, искусства и культуры. IRCICA – İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Турция).

Римантас Желвис (Želvys Rimantas) — доктор педагогических наук, профессор, Вильнюсский педагогический университет (Литва).

Самашев Зайнолла Самашевич — археолог, доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. Германского археологического института. Институт археологии им. А. Маргулана КН МНВО РК (Казахстан).

Сыдыков Ерлан Батгашевич — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, ректор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан).

Таймагамбетов Жакен Кожаметович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, Национальный музей РК (Казахстан).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Каипбаева Айнагуль Толганбаевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Казахстан).

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Козыбаева Махаббат Маликовна — PhD, директор филиала в г. Астана Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Казахстан).

Капаева Айжан Токановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан).

Кубеев Рустем Джаулыбайулы — научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Казахстан).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Жалиқызы Раушан — младший научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Казахстан).

ISSN 2710-3994 (online)

Founder and publisher: RSE on REM “Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology” of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan

The scientific journal is registered at the Committee for Communications, Informatization and Information of the Ministry for Investments and Development of the Republic of Kazakhstan, registration certificate: No. 14602-ИА dated October 29, 2014. The journal is published 4 times a year (in electronic format).

The journal publishes scientific works in the *following areas* of historical science: history (world history and history of Kazakhstan), source studies and historiography, archeology, ethnology, anthropology.

Publication languages: Kazakh, Russian, English.

Editorial and publisher address:

28 Shevchenko Str., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan

RSE on REM Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology CS MSHE of the Republic of Kazakhstan

Tel.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru.

Journal website: <https://edu.e-history.kz>

© Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, 2023

© Group of authors, 2023

EDITOR-IN-CHIEF

Kabuldinov Ziabek Ermukhanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Director of Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology SC MSHE RK (Kazakhstan).

EDITORIAL BOARD

Alimbay Nursan — Candidate of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Kazakhstan).

Abil Yerkin Amanzholovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History of the State CS MES RK (Kazakhstan).

Ayagan Burkitbai Gelmanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History of the State SC MSHE RK (Kazakhstan).

Werner, Cynthia — Doctor of Historical Sciences, Professor, Texas university, (USA).

Golden Kathie Stromile — PhD, Mississippi Valley State University (USA).

Ismagulov Orazak Ismagulovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Corresponding Member of Bologna Academy of Sciences, winner of Ch.Ch. Valikhanov Award, Honored Worker of Science and Technology, Professor of L.N. Gumilyov University (Kazakhstan).

Karibayev Bereket Bakhytzhonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Head of the Department of History of Kazakhstan, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan).

Kozhamzharova Daria Perneshovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the NAS of the Republic of Kazakhstan, rector of the M. Auezov South Kazakhstan University (Kazakhstan).

Kozhirova Svetlana Bassievna — Doctor of Political Science, Professor, Co-Director of the Center for the Study of China and Central Asia of Fudan University and the International Scientific Complex of the National Company "Astana", Head of the Center for Chinese and Asian Studies (Kazakhstan).

Diener Alexander — Doctor of Political Science, Professor, University of Kansas, (USA).

Kokebayeva Gulzhaukhar Kakenovna — Doctor of Historical Sciences, Professor at the Abai Kazakh National Pedagogical University. (Kazakhstan).

Kumekov Bolat Eshmukhambetovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Director of the International Institute of Kipchak Studies of the Al-Farabi Kazakh National University, Professor at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan).

Matyzyanov Kenzhekhan Slyamzhanovich — Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the NAS RK, Director of M. Auezov Institute of Literature and Art (Kazakhstan).

Morrison Alexander — PhD, Professor, University of Oxford (UK).

Muminov Ashirbek Kurbanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Research Center for Islamic History, Art and Culture. IRCICA (İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi). (Turkey).

Rimantas Želvys — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vilnius Pedagogical University (Lithuania).

Samashev Zainolla Samashevich — archaeologist, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of German Archaeological Institute. A. Marghulan Institute of Archeology SC MSHE RK (Kazakhstan).

Sydykov Erlan Battashevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan).

Taimagambetov Zhaken Kozhakhmetovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National Museum of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan).

EXECUTIVE EDITOR

Kaipbayeva Ainagul Tolganbayevna — Candidate of Historical Sciences, leading researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Kazakhstan). E-mail:aina__78@mail.ru

ACADEMIC EDITOR

Kozybayeva Makhabbat Malikovna — PhD, Director of Astana branch of the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Kazakhstan).

Kapaeva Aizhan Tokanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan).

Kubeyev Rustem Dzhaulybayuly — researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Kazakhstan).

EXECUTIVE SECRETARY

Zhalikyzy Raushan — Master in humanitarian sciences, junior researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Kazakhstan). E-mail: rosh85@mail.ru

Published in the Republic of Kazakhstan
 Edu.e-history.kz
 Has been issued as a journal since 2014
 ISSN 2710-3994.
 Vol. 10. Is. 1, pp. 68–83, 2023
 Journal homepage: <https://edu.e-history.kz>

FTAXP / МПНТИ / IRSTI 03.20.00
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2023_33_1_68-83

NOMADIC ELITE IN THE HISTORY OF THE KAZAKH STEPPE: FROM THE EARLY STATE TO THE NOMADIC EMPIRE

*Ernar Muratovich Uzhkenov*¹, *Galiya Aitzhanovna Shotanova*^{2*}, *Malika Temirkhanovna Moryakova*³

¹Leading Researcher at the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (29, Kurmangazy Str. 050000. Almaty, Republic of Kazakhstan)

Candidate of Historical Sciences

 <https://orcid.org/0000-0002-3641-5668>. E-mail: e81g@mail.ru

²Leading Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (28, Shevchenko Str., Almaty. 050010. Republic of Kazakhstan)

Candidate of Historical Sciences

 <https://orcid.org/0000-0003-2577-1373>. E-mail: galia8.09@mail.ru

*Corresponding authors

³Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (28, Shevchenko Str., Almaty. 050010. Republic of Kazakhstan)

 <https://orcid.org/0000-0002-1533-1211>. E-mail: malika-94kz@mail.ru

© Uzhkenov E.M., Shotanova G.A., Moryakova M.T., 2023

Abstract. *Introduction.* This article examines the problem of the relationship between the nomadic elite and the formation of the state. The weak elaboration of the problem in the national historical science is emphasized and the world perspective directions of studying this problem are indicated, including the number of the elite, the main stages of its formation, etc. *Goals and objectives.* The purpose of the article is an attempt to reveal the role and significance of the nomadic elite in the context of the formation and development of nomadic states. The study of this complex problem is usually based on the study of similar processes in other areas of the Great Steppe, taking into account all the latest data on this topic. *Results.* The study of the role of elites allows us to restore the general course of social development of nomadic society and determine the importance of elites not only from the point of view of the supplier of personnel of the bureaucratic apparatus, but also as a consumer of goods, including the organizer of the steady expansion of the empire. Moreover, this study suggests that it was the ancestral aristocracy that was the main customer for the construction of cities in the imperial period. The stratification of nomadic society, originating from the Saka period, maintained its dynamics and pace throughout the nomadic period of the history of our country, and, consequently, the results of this study will allow for a more complete reconstruction of nomadic society at a certain stage. *Conclusions.* Reconstruction of a nomadic society can be possible with the use and study of all available data, including archeology, historical geography, demography, as well as a set of visual and written sources. The results of the study, showing the general course and role of the nomadic elite in the

formation and development of nomadic states, can be used when writing scientific papers on the history of nomadic communities.

Keywords: nomadic elite, nomadic studies, Golden Horde period, Aktobe-Laeti, nomadism, urbanization

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the grant financing project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan «Reconstruction of the Golden Horde settlement of Aktobe-Laeti: source study and historiographic aspects» (Registration number AP 09058609).

For citation: Uzhkenov E.M., Shotanova G.A., Moryakova M.T. Nomadic elite in the history of the Kazakh steppe: from the early state to the nomadic empire // Edu.e-history.kz. 2023. Vol. 10. No. 1. Pp. 68–83. DOI: 10.51943/2710-3994_2023_33_1_68-83.

ҚАЗАҚ ДАЛАСЫ ТАРИХЫНДАҒЫ КӨШПЕЛІ ЭЛИТА: ЕЖЕЛГІ МЕМЛЕКЕТТЕН КӨШПЕЛІ ИМПЕРИЯҒА ДЕЙІН

Ужкенов Ернар Мұратұлы¹, Шотанова Фалия Айтжанқызы^{2*}, Морякова Малика Темірханқызы³

¹Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты (Құрманғазы көшесі, 29 үй. 050000. Алматы, Қазақстан)

Тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер

 <https://orcid.org/0000-0002-3641-5668>. E-mail: e81g@mail.ru

²Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Шевченко көш., 28-үй. 050010. Алматы, Қазақстан)

Тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер

 <https://orcid.org/0000-0003-2577-1373>. E-mail: galia8.09@mail.ru

*Автор-корреспондент

³Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Шевченко көш., 28-үй. 050010. Алматы, Қазақстан)

Ғылыми қызметкер

 <https://orcid.org/0000-0002-1533-1211>. E-mail: malika-94kz@mail.ru

© Ужкенов Е.М., Шотанова Ф.А., Морякова М.Т., 2023

Аннотация. *Kipicne.* Мақалада көшпелі элита мен мемлекеттің қалыптасуы арасындағы байланыс мәселесі қарастырылады. Отандық тарих ғылымындағы проблеманың әлсіз дамуы және осы мәселені зерттеудің әлемдік даму бағыттары, оның ішінде элита саны, оның қалыптасуының негізгі кезеңдері және т.б. атап өтіледі. *Зерттеудің мақсаты және міндеттері* — көшпелі мемлекеттердің қалыптасуы мен дамуы тұрғысынан көшпелі элитаның рөлі мен маңызын ашуға тырысу. Бұл күрделі мәселені зерттеу, әдетте, осы тақырып бойынша барлық жаңа деректерді ескере отырып, Ұлы Даланың басқа аймақтарындағы ұқсас үдерістерді зерттеуге негізделген. *Нәтижелер.* Элиталардың рөлін зерттеу көшпелі қоғамның жалпы дамуын қалпына келтіруге және элиталардың маңыздылығын бюрократиялық аппараттың кадрлар жеткізушісі тұрғысынан ғана емес, сонымен қатар тауарларды тұтынушы, оның ішінде империяның тұрақты кеңеюін ұйымдастырушы тұрғысынан анықтауға мүмкіндік береді. Оның үстіне, бұл зерттеу империялық дәуірде қала құрылысының негізгі тапсырыс берушісі рулық ақсүйектер болғанын көрсетеді. Сақ кезеңінен бастау алған көшпелі қоғамның жіктелуі біздің Отанымыздың тарихының бүкіл көшпелі кезеңінде өзінің серпіні мен қарқынын сақтап қалды. Демек, осы зерттеудің нәтижелері белгілі бір кезеңде көшпелі қоғамды неғұрлым толық қайта құруға мүмкіндік береді. *Қорытынды.* Көшпелі қоғамды қайта құру барлық қол жетімді

деректерді, соның ішінде археологияны, тарихи географияны, демографияны және визуалды мен жазбаша дереккөздердің жиынтығын пайдалану және зерттеу арқылы мүмкін болады. Көшпелі мемлекеттердің қалыптасуы мен дамуындағы көшпелі элитаның жалпы барысы мен рөлін көрсететін зерттеу нәтижелері көшпелі қауымдастықтар тарихына арналған ғылыми жұмыстарды жазу кезінде пайдаланылуы мүмкін.

Түйін сөздер: көшпелі элита, көшпенділік, Алтын Орда кезеңі, Ақтөбе-Лаэти, номадизм, урбанизация

Алғыс айту. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Алтынордалық Ақтөбе-Лаэти қалашығын қалпына келтіру: деректанулық және тарихнамалық аспектілері» тақырыбындағы гранттық қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында орындалды (жеке тіркеу нөмірі: АР 09058609).

Дәйексөз үшін: Ужкенов Е.М., Шотанова Ғ.А., Морякова М.Т. Қазақ даласы тарихындағы көшпелі элита: ежелгі мемлекеттен көшпелі империяға дейін // Edu.e-history.kz. 2023. Т. 10. № 1. С. 68–83. (Орыс.) DOI: 10.51943/2710-3994_2023_33_1_68-83.

КОЧЕВАЯ ЭЛИТА В ИСТОРИИ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ: ОТ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА ДО КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ

Ужкенов Ернар Муратович¹, Шотанова Галия Айтжановна^{2*}, Морякова Малика Темирхановна³

¹Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова (ул. Курмангазы, д. 29. 050000. Алматы, Республика Казахстан)

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 <https://orcid.org/0000-0002-3641-5668>. E-mail: e81g@mail.ru

²Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (ул. Шевченко, д. 28. 050010. Алматы, Республика Казахстан)

 <https://orcid.org/0000-0003-2577-1373>. E-mail: galia8.09@mail.ru

*Корреспондирующий автор

³Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (ул. Шевченко, д. 28. 050010. Алматы, Республика Казахстан)

Научный сотрудник

 <https://orcid.org/0000-0002-1533-1211>. E-mail: malika-94kz@mail.ru

© Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А., Морякова, 2023

Аннотация. *Введение.* В данной статье исследуется проблема взаимосвязи кочевой элиты и становление государства. Подчеркивается слабая разработанность проблемы в отечественной исторической науке и указываются мировые перспективные направления изучения данной проблемы, в том числе численность элиты, основных этапов ее становления и т.д. *Цель и задачи исследования* — попытка раскрыть роль и значение кочевой элиты в контексте становления и развития кочевых государств. Исследование данной сложной проблемы как правило опирается на изучение аналогичных процессов в других районах Великой Степи, с учетом всех новейших данных по данной теме. *Результаты.* Исследование роли элит позволяет восстановить общий ход общественного развития кочевого общества и определить значимость элит не только с точки зрения поставщика кадров бюрократического аппарата, но и потребителем товаров, в том числе и организатором неуклонного расширения империи. Более того, данное исследование позволяет считать, что именно родовая аристократия была главным заказчиком строительства городов в имперский период. Расслоение кочевого общества, берущее свое начало с сакского

периода сохраняло свою динамику и темпы весь кочевой период истории нашей Родины, а, следовательно, результаты данного исследования позволят более полно реконструировать кочевое общество на определенном этапе. *Вывод.* Реконструкция кочевого общества может быть возможна при использовании и изучении всех доступных данных, в том числе археологии, исторической географии, демографии, а также совокупности визуальных и письменных источников. Результаты исследования, показывающие общий ход и роль кочевой элиты на становление и развитие кочевых государств, могут быть использованы при написании научных работ, посвященных истории кочевых сообществ.

Ключевые слова: кочевая элита, кочевниковедение, Золотоордынский период, Актобе-Лаэти, номадизм, урбанизация

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Реконструкция золотоордынского городища Актобе-Лаэти: источниковедческий и историографический аспекты» (регистрационный номер: АР 09058609).

Для цитирования: Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А., Морякова М.Т. Кочевая элита в истории казахской степи: от раннего государства до кочевой империи // Edu.e-history.kz. 2023. Т. 10. № 1. С. 68–83. (На рус.) DOI: 10.51943/2710-3994_2023_33_1_68-83

Введение

Само понятие элиты, ее роль и значение, надо признать в большинстве своем хорошо изучено в истории оседло-земледельческих культур. В нашей отечественной историографии тема элиты на сегодня подробно освещается при описании событий, которые отображают основные этапы колониального или советского периодов, поскольку ее роль достаточно хорошо освещена при воссоздании тех или иных исторических событий. Ее генезис и становление, а также ее отдельные факторы в виде численности или ее функционала с точки зрения законодательства на заре становления ранних государств или развитых кочевых империй в отечественной исторической науке не изучались.

Представление о кочевом государстве как сплаве элиты и общества в совокупности со сложившимися внешними обстоятельствами не раз исследовалось в мировой историографии, однако при этом образовался вакуум в казахстанской научной литературе с собственными взглядами и пониманием внутренней логикой событий. Основные функции, специфика и значение кочевой элиты сохраняли общий ход и вид начиная с хуннского периода по колониальный, но отсутствие монографий по этому вопросу стало препятствием для формирования национального взгляда на историческое прошлое.

Основной целью статьи является попытка раскрыть роль и значение кочевой элиты в контексте становления и развития кочевых государств. Объектом исследования является история Казахской Степи, предметом является роль и значение кочевой элиты в становлении и развитии кочевых государств. Гипотезой, представленной для обсуждения, служит вычленение родовой знати из общей массы населения и ее культово-погребальной архитектуры как начало генезиса ряда небольших городов в золотоордынский период.

Материалы и методы исследования

Аристократия, элита и знать долгое время рассматривались с точки зрения существовавшего идеологического базиса. С распадом прежней системы, класс элиты перестал восприниматься как некая кастовая группа эксплуататоров, но на смену прежних воззрений современная отечественная историческая наука не выдвинула собственных представлений, а, следовательно, идеологический дискурс не был подвержен переосмыслению.

Пришедший ему на смену цивилизационный подход, оказался весьма неудобным и даже

поверхностным для нашего исследования, поскольку сам подход объединяет ряд народов со схожим типом жизнедеятельности, как например все виды кочевого хозяйства, куда входят все народы с кочевым хозяйством от Сахара до Крайнего Севера, но не позволяет учесть специфику изучаемого региона, то есть Казахской Степи.

Главным инструментарием исследования послужили результаты междисциплинарного подхода, где роль и значение кочевой элиты рассматривается через призму исследования данных не только характерных для изучаемых периодов письменных источников, но и также включает в себя исследования достижений археологической науки, основных положений исторической географии и демографии и т.д. Так, исследование захоронений сакского, хуннского и тюркского периодов дало яркий материал для описания начальных этапов выделения элиты из общего числа рядовых кочевников. Использование данных по исторической демографии служит важным маркером для понимания численности элиты и ее воспроизводства, что позволяет лучше понять процесс децентрализации власти, а, следовательно, и нарастание центробежных течений с последующим распадом средневековых государств.

В процессе написания статьи были использованы архивные материалы, отражающие роль и значение кочевой элиты, а также роли золотоордынских городищ (культуре, истории), например, в материалах Государственного архива Республики Татарстан (ГАРТ, Ф. 10. Оп.5. Д.908); о периоде правления золотоордынских ханов в XIV веке в архиве Института археологии Российской Академии наук (АИАРАН. Р-1. 2540), о скифо-сарматских захоронениях на территории Западного Казахстана (в отчетах Л. Галкина) (АИАРАН. Р-1. № 5668).

Обсуждение

Надо учесть, что весьма глубоко проблема кочевой элиты изучается в российской школе кочевниковедения, которая на сегодня является одной из признанных лидеров в деле изучения прошлого кочевников (Ужкенов, Шотанова, 2022). Ее основные положения и выводы, а именно работы С.А. Васютина (Васютин, 1997), П.К. Дашковского (Дашковский, 2003), Н.Н. Крадина (Крадин, 2000; Крадин, 1993; Крадин, 2002), И.А. Мейкшана (Мейкшан, 2013), А.А. Тишкина (Тишкин, Дашковский, 2003) и других позволяют сделать вывод о необходимости дальнейшего исследования темы именно в тесной привязке данных с последними археологическими изысканиями отечественных ученых. Пересмотр роли и значения элиты в истории кочевников и образования их государств позволит приступить к более полной реконструкции исторического прошлого нашей страны. На сегодня остаются самыми популярными и удачными реконструкции предложенные С.И. Руденко и Л.Н. Гумилевым.

Основные принципы «теории элит» разработаны в трудах социологов Г. Моска, В. Парето, Р. Михельса. Социолог Г. Моска, считает, что «всегда возникают два класса людей – класс, который правит, и класс, которым правят» (Мейкшан, 2013; Моска, 1994). Так же при изучении данного вопроса, большой интерес вызвали исследования Н.Н. Крадина (Крадин, 2020), П.К. Дашковского и И.А. Мейкшана (Дашковский, Мейкшан, 2013), Е.Н. Галыгина (Галыгин, 2007), Л.Н. Васильева (Васильев, 2005) и других. Их труды вызвали наш интерес с точки зрения определения роли и их отличительные признаки властных элементов кочевников Центральной Азии. По мнению американского политолога Джери Девида «аристократия – это наследственная элита или класс знати» (Джери, 2001: 37). В процессе изучения данного аспекта, видно, что в современной элитологии представлены различные модели, подходы и методы, которые используются в процессе изучения феномена элитизма. Например, об этом ярко свидетельствуют исследования Г.К. Ашина, Дольника (Ашин и др., 1999; Дольник, 1994). Как раз их работы по мнению И.А. Мейкшана являются основной платформой для проведения социополитического анализа.

Так, в процессе практического применения данных методологических установок были

выработаны различные подходы в установке сущности самого понятия «элита». Наиболее распространенными из них являются ценностный, структурно-функциональный, альтиметрический, когнитивный (Галыгин, 2007: 93).

Как правило в отечественной исторической литературе вопросы урбанизации и номадизма воспринимаются достаточно обширно, и вследствие этого отдельные аспекты выпадают из сферы исследования. Такие вопросы как повседневная культура, кухня и общественная структура общества рассматриваются только через призму политической истории, что не позволяет полностью восстановить реальную картину прошлого. Именно поэтому наша ментальная карта кочевника остается неполной, а прошлое нашей страны выглядит калейдоскопом смены народов и событий. Борьба с европоцентризмом долгое время бывшая аванпостом действий против колониализма, сменив вектор, но, к сожалению, отечественная наука не смогла предоставить свой взгляд на историю кочевников на место ушедшему формационному подходу. Понятно, что сей интеллектуальный вакуум стремительно начал заполняться новыми взглядами, зачастую зародившимися в недрах западноевропейской научной мысли и которые не всегда могли бы адекватно быть переосмыслены и использованы в нашей науке. Крах многих теорий хорошо заметен в исторической науке, поскольку ни один из подходов так и не сумел отразить специфику исторических процессов в кочевом обществе. Даже цивилизационный подход, хотя и упоминается практически в каждой научной работе, тем не менее не включает в себя историю кочевых народов Заполярья или туарегов Северной Африки. По сути, история кочевников на сегодня рассматривается только в пределах Восточного Дешт-и-Кипчака, причем на весьма локальном уровне, то есть на территории только нашей страны. История кочевников Монголии, Алтая или Якутии практически не изучается отечественными историками, что лишает возможности или надежды идею написать историю тюркских народов какого-либо будущего. Написание истории кочевников зачастую сводится к описанию череды событий из разряда политической истории, отдельные моменты которой нашли свое отражение в письменной традиции оседлых народов, тогда как истинные причины трансформаций этнокультурной карты Казахстана в разные исторические периоды, остаются вне поля зрения исследователей.

Интересным представляется, что до сих пор история воспринимается как наука без экспериментов, то есть, по сути, не точная. Однако у историка есть свой инструментальный познания, где главным свидетельством выступает сама мировая история с ее неограниченными примерами. В разное время в мировой истории были различные примеры, способные подтвердить основные теории и подходы, а главным условием этого исследования выступает общий уровень подготовки самого специалиста. Главным критерием перехода от одной стадии отношений к другой долгое время являлись происходившие политические процессы, а общественные изменения стали частью восприятия истории через призму формационного подхода, где элита всегда выступала классом эксплуататоров. Если в оседло-земледельческих обществах формирование элиты могло проследиваться достаточно подробно, то формирование степной аристократии долгое время объяснялось длительным взаимодействием с оседлой культурой. При этом даже классик теории формаций К. Маркс считал, что кочевники одним из первых предложили скот как наиболее удобную единицу при торговых операциях, а, следовательно, что кочевая элита была одной из первых получателей товаров премиум класса. Элита кочевников складывалась не только на основе материального благополучия, а на основе традиционных родоплеменных отношений и личных заслуг. Безусловно, что определенную роль в формировании элит сыграли верования, а сакрализация власти была сцементирована тенгрианской практикой. Сам по себе вопрос генезиса элит, и как следствие формирование государства, имел те же причины и этапы, что и все другие человеческие общности.

Результаты

Сам процесс выделения элиты из общей массы характерен для всех уровней: даже в группах численностью менее 200 человек уже были зафиксированы бигмены и другие виды старшин. При группах более тысячи человек процесс формирования элит начинался сопровождаться становлением иерархии и других атрибутов государственности. Процесс складывания государства у кочевников долгое время рассматривался, а в отдельных случаях и продолжает рассматриваться через призму взаимодействия и заимствования у оседлых народов. Ключевой остается идея, предложенная Т.Д. Барфилдом в его книге «Опасная граница» с его тремя примерами и двумя исключениями (Барфилд, 2009). Подобный ракурс точки зрения на кочевое государство и кочевую элиту во многом стал доминировать в мировой и зарубежной историографии, где кочевники могли достичь определенного уровня общественного развития только при условии наличия развитого оседлого соседа. Безусловно, элита и ее позиция меняла свои позиции, эволюционируя, и отношения с оседлыми соседями, конечно же, влияли на ее формирование. Если у оседло-земледельческой знати одним из способов управления оставался контроль над прибавочным продуктом и его перераспределении, то у кочевников знать не могла контролировать прибавочный продукт и получить его излишки, поскольку его в условиях ведения скотоводческого хозяйства нельзя было эффективно концентрировать и накапливать.

Это имело свои объяснения, поскольку именно сама география степи заставляла людей приспосабливаться к ее ландшафту. Во-первых, условия для ведения скотоводческого хозяйства всегда подразумевает рассеянный образ проживания, поскольку наличие совокупности больших стад в одном месте невозможен, а это приводило к исчезновению растительного покрова и росту опасности риска эпидемий среди животных. Кроме того, наличие подобной массы скота могло привести к катастрофическим последствиям в случае джута. Во-вторых, скот нельзя было накапливать до бесконечности, его максимальное количество определялось продуктивностью степного ландшафта, что требовало постоянной заботы и селекционной работы. Наконец, в-третьих, племенные вожди всегда должны были учитывать то обстоятельство, что рядовые кочевники представляли собой автономное кочевое хозяйство и всегда могли рассчитывать на откочевку как на традиционную форму протеста со стороны кочевников. Именно поэтому, звание вождя у кочевых народов не означало абсолютную власть, как это было у народов оседлой культуры, а, следовательно, его функции в качестве регулятора землепользования во многом должны были соблюдать традиционный распорядок, который сложился достаточно давно и уже был освящен традицией и обычаем. Поэтому количество функций главы кочевников были сравнительно малы в сравнении с многочисленными обязанностями правители оседло-земледельческих обществ. Но здесь надо отметить, что и оседло-земледельческие государства того времени не были столь же централизованы, поскольку логистика, ментальность и экономика того времени не позволяли эффективно контролировать ресурсы и территории. Слабые связи между центром и периферией приводили к тому, что зачастую местные власти от имени центрального правительства зачастую злоупотребляли своим положением, и как следствие, реальное влияние центра принятия решений было весьма слабым. Из-за слабости экономического базиса и невозможности получать все излишки в единую казну для их дальнейшего перераспределения, важную роль в оседло-земледельческих обществах играли ритуальные церемонии, сакрализация титулатуры и родовое происхождения правителя.

В отличие от своих «коллег» из земледельческих государств, степные властители не могли рассчитывать на постоянно действующую систему налогообложения, отсюда и формат изъятия излишков в виде использования системы «полюдь», когда кочевые правители вынуждены были в определенное время обходить свои владения и закреплять тем самым там свою власть. Например, этим может объясняться почти постоянное пребывание казахских ханов

на Западе нашей республики и попытки перенести туда свою столицу, в город Сарайчик. Отсутствие постоянных налогов объясняется как уже указывалось выше и высокой степенью независимости рядовых кочевников, а, следовательно, и более крупных родовых общин, включая и племя. Племенная верхушка поэтому достаточно редко смыкалась с элитой кочевой империи. К примеру, после крушения гуннской державы на Востоке, отдельные племена устремились на Запад, в то время, когда прежний политический центр принял вассалитет китайцев. На слабость центральной политической власти косвенно указывают существовавшие знаменитые дуальная и триальная модели, характерные для кочевых государств. По сути, они отражали изначально иноэтнические группы, включенные в состав единого государства и которые были включены в племенную стратификацию. При изучении истории кочевых держав надо учитывать то обстоятельство, что несмотря на включение иноплеменных объединений в состав государства, они как правило продолжали придерживаться своей родословной и сохраняли большую степень автономности. Даже Золотая Орда с ее высоким уровнем централизации власти тем не менее, при ее малейшем ослаблении, не избежала центробежных устремлений, что предопределило ее крах, а в конечном итоге привело к организации новых государств на иной, уже сугубо этнических основах. О некоторых таких трансформациях можно наблюдать в материале «О изгнании царя Золотой орды» (ГАРТ, 10: 908. Л. 45).

В кочевых обществах, находившихся на стадии образования раннего государства функции вождей и элиты были невелики и обычно ограничивались рациональным перераспределением пастбищ и водных ресурсов; координацией перекочёвок, охраной кочевий от врагов, диких зверей и антиобщественных элементов, налаживанием политических торговых связей с иными этническими группами и народами. Понятно, что любые общественные обязанности так или иначе должны были сказаться на появлении некоторых привилегий: к примеру, они могли пользоваться общественными запасами, использовать на некоторое время запретных мест для пастбищ своего скота, сохранение за своим потомством отправление каких-либо общественных обязанностей и так далее. Также к функциям власти кочевой элиты входили контроль над земельными, в том числе и водными ресурсами, контроль над оседлыми центрами, торговля с ними, идеология, уровень мобилизации и т.д., причем функция военных вождей для казахских ханов была важнейшей, как, впрочем, и для остальных вождей кочевых народов в разные исторические периоды. Без сомнения, сосредоточие всей полноты власти в руках определенной кочевой элиты, рано или поздно привело к усилению роли вождей, максимальной мобилизации всех имеющихся ресурсов, что и предопределяло высокий уровень управления, а в итоге сказывалось на военных успехах вождей. Эту специфику кочевников можно наблюдать практически на самых разных этапах, начиная с организации сакских набегов и созданием Сельджукского государства до периода максимального расширения Монгольской империи. Даже позднее кочевая элита позволяла использовать имеющиеся ресурсы для организации новых попыток вновь подчинить оседлые центры. Кстати, последней удачной попыткой в центральноазиатском регионе являются завоевания Мухаммеда Шейбани.

Кочевая культура, столь сильно имевшая различия от классической оседло-земледельческой, понятное дело, долгое время должна была изучаться только в контексте имеющихся знаний и лишь позднее начинает рассматриваться как некая новая и самостоятельная формация. Понятно и то, что на сегодня появилось очень много новых и оригинальных идей и теорий в рамках исследования становления и развития кочевого общества, однако общая парадигма об отсутствии самостоятельной возможности развития кочевого общества продолжает играть важную роль при исследовании кочевников «извне». Главным фактором здесь являлся вопрос тесной взаимосвязи формирования элиты и государства. Например, начиная с раннего железного века, когда начинается отчетливо проследиваться социальная дифференциация и поэтому появляются все основания считать сакское общество

ранним государством (АИАРАН, Р-1. №5668: 1–4), однако и на сегодня в отечественной научной исторической историографии вопрос об этом до сих пор не только не поставлен, но и всячески отвергается. Основным препятствием этому служит не отсутствие упоминания государства кочевников в письменных источниках того времени, а именно мнение, сложившееся еще в советское время, когда формационный подход пытались внедрить в матрицу отечественной истории.

Трактовка традиционного общества как господство традиционного права над законодательным, часто исходит из модернизационных подходов, которые как правило рассматривали народы, находящиеся на тождественном уровне развития, отсюда повсеместная классификация пастушеских народов как некое единое целое с кочевниками, чье хозяйство весьма слабо было интегрировано с другими средствами производства. Ярким примером этого является использование цивилизационного подхода при описании кочевников как некоего единого целого, причем сюда зачастую относят как племена оленеводов Крайнего Севера, так и туарегов Сахары, а следовательно все процессы, происходившие у какой-либо группы кочевников описываются и принимаются за нечто характерное для всех кочевников. В то же время близкородственные народы с единым по сути комплексом хозяйства рассматриваются в региональном плане. Так, история восточноевропейских кочевников практически не находит своего отражения в нашей отечественной историографии. Также дальневосточные государства, построенные такими же кочевниками, вообще не присутствуют в академической науке даже на уровне упоминаний. Между тем исследование истории этих народов могло бы дать хороший материал для сравнений и в конечном итоге дало бы возможность для более полноценной реконструкции исторического прошлого нашей родины.

Вопрос о формировании государства на кочевых просторах всегда был и остаётся дискуссионным. По сути, ближайшее окружение вождя/правителя надолго являлось формой бюрократической верхушки. Распределение властных полномочий среди родственников вождя отнюдь не является современным изобретением. Именно окружение вождей стало основным поставщиком бюрократического аппарата, а родовая аристократия зачастую была исполнителем решений верховных правителей. Такое единение родственников верховного правителя и местной родовой знати, как можно предположить, не оставляло возможностей для появления еще одной категории кочевой элиты – представителей духовенства, которая так характерна для общин оседло-земледельческого круга. Единственным в истории кочевых народов периодом, где духовенство играло значительную роль, по сути является только сакский период, когда строительство «царских» курганов явно носило сакральное значение. Об этом можно судить по большому количеству сохранившихся религиозных предметов в могильниках той поры. Отдельно надо отметить, что многие исследователи именно сакский период считают началом появления традиции сакрализации правителя кочевого общества Центральной Азии (Дашковский, 2007; Дашковский, 2005; Полосьмак, 1997: 32; Скрынников, 2013).

Сама идея божественного происхождения правящей династии в структуре мировоззрения кочевников создает определенные предпосылки для формирования элиты. Это особо заметно по текстам древнетюркских рунических памятников, где сами каганы указаны как носители власти от Тенгри. Конечно, при этом нельзя исключать появления родов, чьи функции изначально были отправление ритуальных обычаев и религиозных практик. Само по себе выделение рода, обладавшего какими-то определенными функциями должно было привести к разделению общества. Наглядным подтверждением этому, например, служит четкое разделение тюркского общества на «кара-бодун» (народ) и властную элиту, сохранившееся в текстах орхонских памятников (Васюкин, 2004: 99). По-видимому, именно тогда функции первосвященника окончательно перешли к верховному правителю. Подобное сокращение количества категорий элиты станет характерным и для остальных периодов истории

кочевников. Отсутствие упоминаний категории священнослужителей как класса в письменных источниках особенно заметно в тюркское время, когда уже в древнетюркских рунических надписях функции первосвященников окончательно были закреплены за каганами. Отсюда следует связать переход от существования сугубо жреческой структуры к закреплению этих же функций уже за родом, семьей или конкретной личностью к периоду между сакским и тюркским. Действительно, в хуннское время мы наблюдаем становление первой кочевой империи, но при этом источники достаточно скудно описывают духовенство или его аналогов в этот период. Именно тогда хуннские шаньюи начинают использовать новые ниши для получения внешних ресурсов, как правило иноземного происхождения. Усиление власти и доминирование над китайскими царствами позволило гуннским правителям получать дань, которую перераспределяли среди кочевой знати и родовых правителей, что позволило укрепить свою власть над территорией первой кочевой империи. В случае невыплаты дани шаньюи организовывал серию набегов, полученную добычу следовало также перераспределять среди своего бюрократического аппарата. Этот вид поступления новых товаров экстра-класса и позволил окончательно подкрепить существования элиты как отдельно взятого класса с установленными преимуществами.

Как уже отмечалось выше, кочевая элита получила свою окончательную, закрепленную форму закрытого сословия, хотя еще долго пополнялось за счет личностей, сумевших проявить личную отвагу или другие достоинства уже в, собственно, хуннский период, откуда и такой интерес к этому периоду. Хотя уже погребальные сооружения позволяют делать выводы о расслоении общества, но только письменные источники упоминают аристократические роды, такие как собственно правящий род Люаньди, а также Хуань, Лань и Сюйбу (Крадин, 2001) с которыми поддерживались брачные взаимоотношения (Сыма Цянь, 2002). Ближайшее окружение шаньюя, по сути, представлявшее весь бюрократический аппарат хуннской империи, сумела захватить все сферы, где имелись свои характерные преимущества и льготы. Подчиненные племена и народы, которые имели собственную знать были включены в среднее звено управленцев, что позволило с одной стороны сохранить автономность этих племен, а с другой должно было служить залогом лояльности прежних властителей. Надо учесть, что их политический вес зависел от количества скота и подданных, что служило маркером их места в имперской иерархии. Количество «чиновников» скорее всего не зависело от общего количества подчиненных этнических групп, так, письменные источники упоминают о 24 старейшинах, каждый из которых «для исправления дел, поставляет у себя тысячников, сотников, десятников».

Понятное дело, что даже и в особенности ближайшее окружение было труднее всего контролировать. Одним из методов контроля было устрашение, но и оно не всегда гарантировало лояльность. Поэтому традиции распределения престижных товаров, следовали и тюркские каганы, и на начальном этапе сам Чингис хан. По сути, этой же практики заручения поддержки от родовой верхушки путем раздачи подарков «премиум класса», пользовались и казахские ханы. Они также по сохранившимся свидетельствам также перераспределяли среди своего окружения. Следует упомянуть, что имеющееся на сегодня мнение о том, что именно русские колониальные власти способствовали появлению новой традиции использования подарков как средства подкупа местной власти, в свете вышеперечисленного явно несостоятельно.

Все вышеперечисленное является во многом предтечей постановки проблемы о роли элит и времени появления ранней государственности и служит своеобразным прологом переосмысления роли элиты. Не секрет, что наиболее подробно вопрос образования государственности у кочевников рассматривался в работах российских ученых, которые и являлись долгое время одним из центров изучения мирового кочевниковедения. Изначально

феномен элиты рассматривался в рамках общего формационного подхода, где элита рассматривалась как класс эксплуататоров. Понятно, сам подход устарел и лишившись поддержки со стороны идеологического государства, стремительно был отменен. Выше уже указывалось что сама отмена не привела к заполнению теоретического вакуума, что конечно же позволило более широко обзреть наше прошлое, но тем не менее, само отсутствие нового теоретического взгляда или нового методологического подхода привело к тому, что этот вакуум стремительно стал заполняться чужими интеллектуальными изысканиями, не всегда подходящие для изучения кочевниковедения.

Важным критерием долгожительства династии в государствах Великой Степи является безусловно вопрос престолонаследия. Этот фактор должен был сочетать несколько удачных совпадений, одним из которых было наличие наследников. Мировая история дает нам немало примеров, когда многие известные династии теряли власть, а вслед за ними обреченным оказывалось и государство. И именно поэтому долголетие династии Чингизидов представляет собой редкий феномен, где представители династии смогли сохранить и удержать власть на протяжении более шести веков. Это выглядит еще более удивительным если учесть, что срок кочевых государств как правило недолог. Именно это обстоятельство подметил еще в глубокой древности такой известный ученый и мыслитель как Ибн-Хальдун. Ещё в XIV веке он подметил, что династии, созданные кочевниками, живут не более 3–4 поколений, что он объяснял тем, что потомки начинают серии междоусобицы и вследствие этого государства распадаются. Один из выдающихся кочевниковедов Н.Н. Крадин писал, что ему удалось «эмпирически установить факты перепроизводства элитных обществ. Они вписывались три чёткие цикла: соответственно, 209–126 гг. до н.э., 126–60 гг. до н.э., 30 г. до н.э. – 48 г. н.э. переходом между первым и вторым циклами завершился относительно мирной смены системы престолонаследия от брата к брату. Второй цикл завершился тридцатилетний гражданской войной. А последние, третий цикл привёл к окончательному распаду на северную южную конфедерацию хунну» (Крадин, 2020: 165). Указав на эту периодичность, Н.Н. Крадин видит в ней подтверждение вышеупомянутой теории Т. Барфилда в его синхронизации циклов гуннского усиления в тесной взаимосвязи с усилением/ослаблением китайской династии Хань. Однако здесь нам интересно другое, а именно численность потомков династии во взаимосвязи с ее усилением или упадком. Данное обстоятельство представляется особенно важным поскольку прямо связывает количество потомков с растущим количеством междоусобных войн. Действительно, приблизительные подсчеты показывают, что если учитывать распространение полигамных браков в кочевой среде, причем как среди элиты, так и среди рядовых кочевников, то потомство знатных родов должно было расти в геометрической прогрессии. Учитывая, что средняя численность сыновей была около 6 человек, то уже он должен был иметь не меньше 25 внуков и 125 правнуков. Учитывая обязанность правителя /главы семьи к разделению своего наследства, то можно себе представить степень раздробления отцовского наследия среди детей. Естественно, что существовали свои корректировки, в виде естественной убыли населения, а также различных факторов, то есть смерть на войне, от болезней, в результате травм или же от «производственных» травм, как например Джучи, старший сын Чингисхана. Понятное дело, что не все дети имели равный доступ к наследству, что тоже вполне нормально если учесть приоритет старших сыновей как прямых наследников или младших детей, которые по традиции являлись хранителями очага. Однако был еще и личный фактор, когда наследником мог быть назначен любимый сын или ребенок от любимой наложницы, что, учитывая сильный женский фактор в степных условиях было неудивительно. Также нельзя сбрасывать со счетов существование еще одной традиции, которая брала свое начало с тюркских времен, когда на престол имел право претендовать самый старший в семье. Даже при условии, что ближайшие родственники не имели определенных властных амбиций, то в любом случае обязанностей

наделять родственников определенным количеством скота и людьми никто не снимал с наследника. Можно себе представить бесконечную вереницу делений, когда на долю прямых наследников выпадало все меньше ресурсов, что и приводило к возрастанию конфликтов. Нельзя сбрасывать со счетов и непрямых родственников, например, зятьев, различных вассальных правителей за которых в силу кочевых традиций тюрков, тоже часто выдавали замуж «принцесс». Уже во втором поколении можно было наблюдать, когда борьба за доставшиеся ресурсы и наследие приобретала бескомпромиссный характер, а через три-четыре поколения в результате непрекращающейся гражданской войны, как правило кочевое государство распадалось. Это характерно не только для степных династий или народов, те же процессы наблюдались и на Ближнем Востоке, которые правда имели характерную для региона специфику (Коротаяев, 2006).

Точкой отсчета деления элит и показательным примером может служить динамика циклов первой из кочевых империй внутренней Азии — хунской. Как уже упоминалось, Н. Крадин в результате своих исследований смог определить три таких цикла, на каждый из которых приходились переломные моменты в истории хунны. Главным зримым свидетельством дальнейшего роста значимости элиты для хуннской империи служат археологические захоронения. Также рост значимости элиты можно наблюдать в разрезе похоронных обычаев древних тюрков. Так, хотя историки не сошлись во мнении о значении памятников тюркской эпохи — балбалов, есть аргументированное мнение о том, что это отражение роли видных лиц (элиты) в обществе той поры. Само разделение тюрков на каганаты можно трактовать не только как фактор междоусобицы, но и повышение численности членов династии Ашина, которые уже не могли вмещаться в экологическую нишу собственно Орхона, а, следовательно, наличие самостоятельных территорий вдали от центра политической власти — это не только свидетельство сепаратизма, но и выделение на прокорм новых, еще не до конца завоеванных территорий новым поколениям династии.

Ярким примером подобного выделения земель из родного юрта служит образование улуса Джучи, которому выделили земли еще не завоеванного Дешт-и-Кыпчака «...до конца земли, куда могут пойти копыта монгольских коней». Монгольская империя вообще славилась быстрым ростом численности членов династии Чингизидов, которые достаточно долгое время смогли удержать единство империи. В частности, известно, что у Чингисхана было около 500 жён и наложниц, а следовательно, даже приблизительное количество его прямых потомков было довольно значительным. Лишь огромные прибыли, полученные в виде дани и трофеев, смогли обеспечить всех его прямых потомков достаточными ресурсами. Его внук Бату имел 26 жён, а другой его внук Хубилай имел 22 сына от 4 жён и ещё 25 сыновей от наложниц. Уже во времена Джувейни так называемые "золотой урок" Чингисхана составлял порядка 20.000 человек. На курултае 1311 года присутствовала 1.400 чингизидов, имевших ханские титулы. Эти цифры свидетельствуют о громадном количестве потомков Чингисхана, которых надо было наделить пусть и малой толикой, но общего наследства. На первых порах прокорм столь большого числа наследников был возможен и не накладен для казны новой империи благодаря огромному количеству трофеев.

Как уже упоминалось, хотя ибн Хальдун и отводил на существование кочевого государства 2–3 поколения, империя Чингисхана благодаря своим гигантским размерам и ресурсам смогла выделять необходимое количество наследия хватило на всех наследников Потрясателя Вселенной. Только после смерти Мунке кагана Монгольская империя распалась на ряд независимых улусов, каждая из которых сыграла огромную роль в истории Евразии. Причинами распада, конечно, являлись ряд факторов, которые не могли найти своего решения в средневековые времена. Сама держава распространялась на огромные расстояния от Черного моря до Корейского. Логистика той поры не могла эффективно работать даже с учетом наличия

действующей системы почты. Дело в том, что огромные расстояния не позволяли центру принимать решения за периферии, поскольку не понимали значение тех или иных процессов и проблем на окраинах. Обогащение центра империи за счет ограбления покоренных территорий работало, хотя и послужило толчком для бурного развития Каракорума, но не могло сказаться на развитие других частей империи. Если учесть тот фактор, что в руках Бату и его наследников оказались значительные военные силы и административные ресурсы, а также налоги собирались представителями его партии, окончательное выделение Золотой Орды из-под власти Каракорума не заставило себя долго ждать. Дружба между Бату и Мунке лишь отсрочила политическую самостоятельность Улуса Бату. Следует учитывать, что после смерти кагана всегда наступал длительный период междуцарствия, а, следовательно, отсутствия центральной власти, чем и воспользовались местные элиты. Роль местных элит не ограничивалось всего лишь поддержкой будущего независимого правителя, а наоборот, именно позиция элиты становилась решающей при принятии тех или иных решений. Хотя официально назначенные регенты и повелевали от имени центра, но право соглашаться или нет с их решениями оставалось за элитами. Сам курултай тоже мог длиться годами, когда, пользуясь большими расстояниями, Чингизиды пытались продвинуть на высший пост кого-нибудь из числа своих друзей, ближайших родственников или сторонников. Следовательно, групповая борьба внутри державы, по сути, означало конец единства империи. Однако распад империи привел к сокращению ресурсной базы обеспечения «золотого» рода Чингисхана улусами. Нехватка ресурсов приводит к появлению нойонов — мелкопоместных потомков Чингисхана. Представители династии недовольные сокращением или несправедливым распределением ресурсов, опираясь на рядовых воинов и элиту вступала в противоборство с другими группировками. Получив независимость от политического центра, местная элита стала активно перераспределять имеющиеся ресурсы в свою пользу. Именно этим и объясняется быстрый рост небольших городов в золотоордынский период. Как уже авторы этого исследования писали в предыдущих работах, изначально места захоронений представителей родовой знати, довольно быстро трансформировались в оседлые поселения, которые находились под властью кочевых правителей. Например, такие особенности можно наблюдать в материалах археологической экспедиций (АИАРАН, Р-1. №5668: 58). Подобным образом появились на сегодняшней археологической карте Казахстана города Актобе (Лаэти), Жайык, Абак-Байтак, Сырымбет, которые изначально представляли собой культово-погребальные сооружения, но в силу географических особенностей имели все шансы стать полноценными городами.

По сути строительство подобных небольших городищ соответствует общему ходу мирового исторического процесса. Подсказка к отгадке функций подобных оседлых поселений, таится в существовании небольших мавзолеев на каждом из западноказахстанских городищ, а также фрагменты самой подсказки наблюдаются и при раскопках политических центров. Именно мавзолеи и другие сакральные здания лучше всего характеризуют необходимость строительства данных городищ. По-видимому, учитывая общий генезис процесса феодализма в кочевой среде, какая-то часть степной элиты была награждена правами на владение городками. Впоследствии, по степным канонам, строительство мавзолеев стало своего рода маркером права собственности на эту территорию и окрестные земли. Для строительства мавзолеев возникла необходимость строительства производства для обжигов кирпича, что вкупе с удобным или стратегическим местоположением, привели к возникновению небольшого поселения. Местоположение поселений имело не только важное торговое значение, не меньшее значение имело и наличие ресурсной базы, в виде определенного вида глины либо песка, а также вышеупомянутый стратегический характер. Дело в том, что вся территория к середине XIII века еще сохраняла свой протестный потенциал, и раздавая земли преданным

сторонникам, центральная власть таким образом пыталась проконтролировать те территории, что находились в стороне от важнейших торговых путей, что подтверждается их мало известностью или вовсе отсутствием сведений о них в путевых заметках восточных путешественников. Действительно, трудно предположить, что, следуя по проложенному и хорошо известному торговому маршруту, известный путешественник и ученый Ибн Батута не упомянул об находившийся совсем рядом городище Актобе по пути из Сарая в Ургенч. Одним из важных аргументов в пользу этого предположения может служить сложившаяся практика формирования золотоордынских городищ путем слияния усадеб степной знати. Именно усадебная застройка характерная для крупных золотоордынских городов, по-видимому послужила причиной для основания небольших поселений, а плотная застройка характерная, например, для городища Актобе – это уже следующий этап генезиса городища. Это мы можем наблюдать по результатам археологических экспедиций Л. Галкина (АИАРАН, Р-1. №5668: 1–4).

Было бы не совсем правильным считать, что возникновение кочевой империи представляло собой качественный скачок от племенного общества с сильными родовыми связями к военно-иерархической организации, в которой система традиционных связей была бы заменена личными иерархическими отношениями. Местные племенные вожди и старейшины были инкорпорированы в общеимперскую десятичную иерархию. Но их реальная власть держалась на поддержке соплеменников и в известной степени была автономной от политики центра. Возможности влиять на племена со стороны наместников были ограничены. Следовательно, главная опасность единству империи находилась на уровне, связывающем подчиненные племена и имперских наместников. Данная ситуация осложнялась стремлением иноэтничных кочевых племен и других владений к политической независимости. Таким образом, власть кочевого правителя, автократическая в идеальной картине многих тогдашних современников, в реальности имела свои ограничения. Отсутствие представленности родовой аристократии в законодательстве также подрывало авторитет верховной власти со стороны рядовых кочевых общин.

Заключение

Смена правового дискурса была по сути лишь вопросом времени, что стало ясно к концу XIV – началу XV в связи с общим кризисом единого золотоордынского государства. Отправление властных полномочий центром так или иначе должно было сказаться на лояльности местных элит, и привести по логике к упадку династии Чингизидов, а впоследствии и к упадку самой династии, однако имперский импульс оказался настолько сильным, что эта династия продержалась до реформ в колониальный период (1870 гг.). Упадок империи, конечно, должен был сказаться и на отправлении законодательных функций ханской власти, что и привело к совмещению немногих сохранившихся положений Великой Ясы с традиционным законодательством, которая была родом из сферы мусульманской культуры. С падением единства империи, законодательство, по сути, только поменяло территориальный ареал, и конечно же включило в себя большое количество норм обычного права, что возвысило роль и значение торе.

В тоже время сила династийной традиции привела к появлению отдельного сословия торе у кочевых народов Евразии как символа государственности. Как ни странно, по большому счету только казахи сохранили династию из числа прямых потомков Чингиз хана, хотя его наследие включает в себя общую для всех народов культуру и традиции. Исторический экскурс отечественной истории не может не включать в себя вопросы взаимодействия и взаимовлияния элит и этногенеза. Эти, казалось бы, неравнозначные категории, по-видимому, имели малозаметное единство, поскольку как можно судить из истории отдельных народов, зачастую отдельные представители бывшей элиты становились родоначальниками целых наций, как например Ногай и ногайцы. Таким образом вышеперечисленные подходы и взгляды позволяют сделать вывод об

относительной неразработанности темы и необходимости ее дальнейшего исследования. Начиная с раннесакского периода шел процесс создания элиты как одного из необходимого компонента для формирования кочевого государства.

ИСТОЧНИКИ

АИАРАН — Архив Института археологии Российской академии наук.
Государственный архив — Государственный архив Республики Татарстан.

SOURCES

AIARAN — Arhiv Instituta arheologii Rossijskoj akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences].
GART — Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [State Archive of the Republic of Tatarstan].

ЛИТЕРАТУРА

- Барфилд, 2009 — *Барфилд Т.Д.* Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). // Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. 488 с.
- Васютин, 2004 — *Васютин С.А.* Архаические элементы политической культуры в тюркских каганатах // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. 544 с.
- Васютин, 1997 — *Васютин С.А.* К проблеме социальной характеристики кочевых обществ степей Евразии // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: материалы Всероссийской научной конференции. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997.
- Дашковский, 2003 — *Дашковский П.К.* Особенности социальной структуры «пазырыкского» общества Горного Алтая // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.
- Дашковский, 2007 — *Дашковский П.К.* Сакрализация правителей кочевых обществ Южной Сибири и Центральной Азии в древности и средневековье // Известия Алтайского государственного университета. Иркутск: Изд-во Алт. ун-та, 2007. № 4(2). С. 46–52.
- Дашковский, 2005 — *Дашковский П.К.* О сакрализации правителей государственных образований кочевников Центральной Азии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие): материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2005. С. 63–67.
- Коротаев, 2006 — *Коротаев А.В.* Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции. *Российская акад. наук, Ин-т востоковедения.* Москва: Восточная лит., 2006. 112 с.
- Крадин, 1993 — *Крадин Н.Н.* Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. Москва: Наука, 1993. С. 192–210.
- Крадин, 2000 — *Крадин Н.Н.* Имперская конфедерация хунну: социальная организация суперсложного вожества // Ранние формы социальной организации. Санкт-Петербург: Изд-во Павловск, 2000. С. 195–223.
- Крадин, 2001 — *Крадин Н.Н.* Империя хунну. 2-е изд. Москва: Логос, 2001. 312 с.
- Крадин, 2002 — *Крадин Н.Н.* Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Н.Н. Крадин и Д.М. Бондаренко. Москва: ИА РАН, 2002. С. 59–85.
- Крадин, 2020 — *Крадин Н.Н.* Кочевники и всемирная история. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2020. 416 с.
- Мейкшан, 2013 — *Мейкшан И.А.* Кочевая элита: контуры понятия. // *Известия Алтайского государственного университета.* Иркутск: Алт. ун-т, 2013. С. 277–280.
- Полосьмак, 1994 — *Полосьмак Н.В.* «Стережущие золото грифы» (Акалахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.
- Скрынникова, 2013 — *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингисхана. 2-е издание, переработанное, дополненное и исправленное. Санкт-Петербург: Евразия, 2013. 216 с.
- Сыма Цянь, 2002 — *Сыма Цянь.* Исторические записки / пер. и комм. Р.В. Вяткина. Москва: Восточная литература, 2002. Т. 2. С. 32.
- Тишкин, Дашковский, 2003 — *Тишкин А.А., Дашковский П.К.* Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Алт. ун-т, 2003. 430 с.
- Ужкенов, Шотанова, 2022 — *Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А.* Проблемы генезиса золотоордынских мест на территории Западного Казахстана (прикладное функционирование золотоордынского городища Актобе). // Схід та Україна. Матеріали міжнародної наукової конференції «Схід та Україна: наукова конференція присвячена пам'яті Ярослава Дашкевича», яка відбулась 17–18 жовтня 2022 / Упорядник д. і. н. Я.В. Пилипчук. Київ: Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова, 2022. (укр., пол., азерб., тур., узб., англ. мовами). С. 221–240.
- Элита в истории, 2015 — *Элита в истории древних и средневековых народов Евразии:* коллективная монография / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Алт. ун-т, 2015. 330 с.

REFERENCES

- Barfield, 2009 — *Barfield T.D.* Opasnaya granica. Kochevye imperii i Kitaj (221 g. do n.e. – 1757 g. n.e.) [A dangerous border. Nomadic Empires and China (221 b.c – 1757 a.d.)]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2009. 488 p. (In Rus.).
- Vasyutin, 2004 — *Vasyutin S.A.* Arhaicheskie elementy politicheskoy kul'tury v tyurkskih kaganatah [Archaic elements of political culture in the Turkic khaganates]. Kompleksnye issledovaniya drevnih i traditsionnyh obshchestv Evrazii. Barnaul: Altai University, 2004. 544 p. (In Rus.).
- Vasyutin, 1997 — *Vasyutin S.A.* K probleme social'noj harakteristiki kochevyh obshchestv stepej Evrazii [On the problem of social characteristics of nomadic societies of the steppes of Eurasia]. Social'no-ekonomicheskije struktury drevnih obshchestv Zapadnoj Sibiri: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Barnaul: Altai University, 1997. (In Rus.).
- Dashkovskij, 2003 — *Dashkovskij P.K.* Osobennosti social'noj struktury «pazyrykского» obshchestva Gornogo Altaya [Features of the social structure of the «Pazyryk» society of the Altai Mountains]. Sociogenez Severnoj Azii: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Irkutsk: Altai University, 2003. 430 p. (In Rus.).
- Dashkovskij, 2007 — *Dashkovskij P.K.* Sakralizaciya pravitelej kochevyh obshchestv Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v drevnosti i srednevekov'e [The sacralization of the rulers of nomadic societies of Southern Siberia and Central Asia in antiquity and the Middle Ages]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Irkutsk: Altai University, 2007. No 4(2). Pp. 46–52. (In Rus.).
- Dashkovskij, 2005 — *Dashkovskij P.K.* O sakralizacii pravitelej gosudarstvennyh obrazovaniy nomadov Central'noj Azii [On the sacralisation of the rulers of the nomadic state formations of Central Asia. Drevnie kochevniki Central'noj Azii (istoriya, kul'tura, nasledie): materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii. Ulan-Ude, 2005. Pp. 63–67. (In Rus.).
- Dashkovskij (ed.), 2015 — *Dashkovskij P.K.* Elita v istorii drevnih i srednevekovykh narodov Evrazii: kolektivnaya monografiya [Elite in the History of Ancient and Medieval peoples of Eurasia: a collective monograph]. Barnaul: Altai University, 2015. 330 p. (In Rus.).
- Korotaev, 2006 — *Korotaev A.V.* Dolgosrochnaya politiko-demograficheskaya dinamika Egipta: cikly i tendencii [Long-term political and demographic dynamics of Egypt: cycles and trends]. RAS. Oriental Studies Institute. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006. 112 p. (In Rus.).
- Kradin, 1993 — *Kradin N.N.* Struktura vlasti v gosudarstvennyh obrazovaniyah kochevnikov [The structure of power in the state formations of nomads]. Fenomen vostochnogo despotizma. Struktura upravleniya i vlasti. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 192–210. (In Rus.).
- Kradin, 2000 — *Kradin N.N.* Imperskaya konfederaciya hunnu: social'naya organizaciya superslozhnogo vozhdstva [The Imperial Confederation of the Xiongnu: the social organization of a super-complex chiefdom]. Rannie formy social'noj organizacii. Sankt-Petersburg: Izdatelstvo Pavlovsk, 2000. Pp. 195–223. (In Rus.).
- Kradin, 2001 — *Kradin N.N.* Imperiya hunnu [The Xiongnu Empire]. 2nd ed. Moscow: Logos, 2001. 312 p. (In Rus.).
- Kradin, 2002 — *Kradin N.N.* Struktura vlasti v kochevyh imperiyah [The structure of power in nomadic empires]. Kochevaya al'ternativa social'noj evolyucii. Moscow: RAS, 2002. Pp. 59–85. (In Rus.).
- Kradin, 2020 — *Kradin N.N.* Kochevniki i vseмирnaya istoriya [Nomads and world history]. Saint-Petersburg: Izdatelstvo Olega Abyshko, 2020. 416 p. (In Rus.).
- Mejksan, 2013 — *Mejksan I.A.* Kochevaya elita: kontury ponyatiya [Nomadic elite: the contours of the concept]. Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Irkutsk: Altai University, 2013. Pp. 277–280. (In Rus.).
- Polos'mak, 1994 — *Polos'mak N.V.* Steregushchie zoloto grify (Akalahinskie kurgany) [Vultures guarding gold (Akalahin mounds)]. Novosibirsk: Nauka, 1994. 125 p. (In Rus.).
- Skrynnikova, 2013 — *Skrynnikova T.D.* Harizma i vlast' v epohu Chingis-hana [Charisma and power in the era of Genghis Khan]. 2nd edition, revised, enlarged and corrected. Saint-Petersburg: Evraziya, 2013. 216 p. (In Rus.).
- Syma Cyan', 2002 — *Syma Cyan'.* Istoricheskie zapiski [Historical notes] transl. and comm. by. R.V. Vyatkin. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. Vol. 2. p. 32. (In Rus.).
- Tishkin, Dashkovskij, 2003 — *Tishkin A.A., Dashkovskij P.K.* Social'naya struktura i sistema mirovozzrenij naseleniya Altaya skifskoj epohi [The social structure and system of worldviews of the Altai population of the Scythian era]. Barnaul: Altai University, 2003. 430 p. (In Rus.).
- Uzhkenov, Shotanova, 2022 — *Uzhkenov E.M., Shotanova G.A.* Problemy genezisa zolotoordynskih mest na territorii Zapadnogo Kazakhstana (prikladnoe funkcionirovanie zolotoordynskogo gorodishcha Aktobe) [Problems of the genesis of the Golden Horde sites on the territory of Western Kazakhstan (applied functioning of the Golden Horde settlement of Aktobe)]. Skhid ta Ukraïna. Materiali mizhnarodnoï naukovoï konferencii «Skhid ta Ukraïna: naukova konferenciya prisvyachena pam'yati Yaroslava Dashkevicha», yaka vidbulas' 17–18 zhovtnya 2022. Ya.V. Pilipchuk (comp.). Kiev: M.P. Dragomanov National Pedagogical University, 2022. Pp. 221–240. (In Rus.).

МАЗМҰНЫ

ТЕОРИЯ ЖӘНЕ ӘДІСНАМА

Бенхур Ч., Жолдасұлы Т.

ҚАЗАҚСТАН ТӘУЕЛСІЗДІГІ ЖӘНЕ ТҮРІК МЕДИАСЫ.....7

Ван Каппел Г., Томас А.

ҚАЗІРГІ ЗАМАН ЖӘНЕ ТОТАЛЬДЫ СОҒЫС: ТАБЫСТЫ АЛЬЯНС? (СЫНИ ТАЛДАУ).....16

Қуанбай О.Қ.

ЖАПОНИЯНЫҢ ПОСТБИПОЛЯРЛЫ ЖҮЙЕ ДӘУІРІНДЕГІ СЫРТҚЫ САЯСАТЫ.....26

Нұрмұхамбетов А.А.

XX ҒАСЫР БАСЫНДА ҰЛТ ЗИЯЛЫЛАРЫНЫҢ ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ

ОҚУЛЫҚТАР ДАЙЫНДАУДАҒЫ РӨЛІ.....41

Ошан Ж., Бөгенөев Ж.С.

ҚАЗАҚСТАН ШЫҒЫСТАНУШЫЛАРЫ ЗЕРТТЕУІНДЕГІ ҚЫТАЙ АРХИВИ

ҚҰЖАТТАРЫНДАҒЫ БҰРЫТТАР (ҚЫРҒЫЗДАР) ТУРАЛЫ МАҒЛҰМАТТАР.....53

Ужкенов Е.М., Шотанова Ғ.А., Морякова М.Т.

ҚАЗАҚ ДАЛАСЫ ТАРИХЫНДАҒЫ КӨШПЕЛІ ЭЛИТА:

ЕЖЕЛГІ МЕМЛЕКЕТТЕН КӨШПЕЛІ ИМПЕРИЯҒА ДЕЙІН.....68

ТАРИХ

Бижигитова Қ.С. Джемпеисова Ж.М.

XIX ҒАСЫРДЫҢ СОҒЫ – XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ ЖЕТІСУ КАЗАҚТАРЫ:

СӘЙКЕСТЕНДІРУ ЖӘНЕ ӨЗІН-ӨЗІ СӘЙКЕСТЕНДІРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ.....84

Дүйсенова Н.К., Смағұлов Б.К.

МЕМЛЕКЕТТІК ОРТАЛЫҚ МУЗЕЙДІҢ 1940–1950 ЖЫЛДАРДЫҢ

БАСЫНДАҒЫ ҚЫЗМЕТІНІҢ НЕГІЗГІ БАҒЫТТАРЫ.....97

Комилов Н., Қасымова, Д.Б., Байжұманова З.Б.

«САДУАҚАСОВШЫЛДЫҚ» МӘНМӘТІНІНДЕГІ КСРО-ДАҒЫ

ТЕРГЕУ ІСІ МАТЕРИАЛДАРЫНЫҢ БҰРМАЛАУШЫЛЫҚТАРЫ (1928–1938).....111

Конырова А.М.

1860–1890 ЖЫЛДАРДАҒЫ ПАТШАЛЫҚ РЕСЕЙДІҢ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ

ҚОНЫСТАНДЫРУ САЯСАТЫ: ТАРИХИ-ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ТАЛДАУ.....124

Мұхатова О.Х.

ВЕРНЫЙ ЕРЛЕР ГИМНАЗИЯСЫ ЖӘНЕ ЖЕТІСУ АЛАШ ҚАЙРАТКЕРЛЕРІ.....138

Ташағыл А., Мұқанова Г.Қ.

КЕҢЕСТІК ҚАЗАҚСТАННЫҢ ТҰҢҒЫШ АСТАНАСЫНЫҢ ТАҒДЫРЫ.....154

Шукеева А.Т., Буканова, Р.Г. Утегенов М.З.

СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАННЫҢ ТЫҢ ИГЕРУ

АУДАНДАРЫНЫҢ КҮНДЕЛІКТІ ӨМІР ТАРИХЫ.....166

АНТРОПОЛОГИЯ

Картаева Т., Даубаев Е., Алтынбекова Э.

«ХАН ОРДАСЫ» ҚОРЫҚ-МУЗЕЙІНДЕГІ

ҚҰДЫҚТЫ ҚАЙТА ҚАЛПЫНА КЕЛТІРУ ТӘЖІРИБЕСІ.....179

Сакенов С., Бороффка Н.

ҚОЛА ОРАҚ-ШАЛҒЫ – БУРАБАЙ МАҢЫНАН ТАБЫЛҒАН ЗАТ.....194

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ МЕТОДОЛОГИИ

Бенхур Ч., Жолдасулы Т. НЕЗАВИСИМОСТЬ КАЗАХСТАНА И ТУРЕЦКАЯ ПРЕССА.....	7
Ван Капель Г., Томас А. СОВРЕМЕННОСТЬ И ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА: УДАЧНЫЙ АЛЬЯНС? (КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)	16
Куанбай О.К. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ЭПОХУ ПОСТБИПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЫ.....	26
Нурмухамбетов А.А. РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОДГОТОВКЕ УЧЕБНИКОВ НА КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	41
Ошан Ж., Ботоноев Ж.С. СВЕДЕНИЯ О БУРЫТАХ (КЫРГЫЗАХ) В КИТАЙСКИХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ, ИЗУЧЕННЫХ КАЗАХСКИМИ ВОСТОКОВЕДАМИ.....	53
Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А., Морякова М.Т. КОЧЕВАЯ ЭЛИТА В ИСТОРИИ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ: ОТ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА ДО КОЧЕВОЙ ИМПЕРИИ.....	68

ИСТОРИЯ

Бижигитова К.С., Джампеисова Ж.М. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СЕМИРЕЧЕНСКИХ КАЗАКОВ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.	84
Дуйсенова Н.К., Смагулов Б.К. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ В ПЕРИОД 1940 – НАЧАЛА 1950-Х ГОДОВ.....	97
Комилов Н., Касымова Д.Б., Байжуманов З.Б. ПРЕДВЗЯТОСТЬ МАТЕРИАЛОВ СЛЕДСТВИЯ В СССР В КОНТЕКСТЕ «САДВОКАСОВЩИНЫ» (1928–1938)	111
Коньрова А.М. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОЙ РОССИИ В КАЗАХСТАНЕ В 1860–1890-Е ГОДЫ: ИСТОРИКО–ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	124
Мухатова О.Х. ВЕРНЕНСКАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ И ЖЕТЫСУСКИЕ ДЕЯТЕЛИ ДВИЖЕНИЯ АЛАШ.....	138
Ташагыл А., Муканова Г.К. СУДЬБА ПЕРВОЙ СТОЛИЦЫ СОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА.....	154
Шукеева А.Т., Буканова Р.Г., Утегенов М.З. ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В ЦЕЛИННЫХ РАЙОНАХ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА.....	166

АНТРОПОЛОГИЯ

Картаева Т., Даубаев Е., Алтынбекова Э. ПРАКТИКА РЕКОНСТРУКЦИИ КОЛОДЦА В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «ХАН ОРДАСЫ»	179
Сакенов С., Бороффка Н. БРОНЗОВЫЙ СЕРП-КОСА – НАХОДКА ИЗ ОКРЕСТНОСТИ БУРАБАЯ.....	194

CONTENTS

THEORY OF METHODOLOGY

Benhür Ç., Zholdassuly T. INDEPENDENCE OF KAZAKHSTAN AND THE TURKISH PRESS.....	7
Van Cappel G., Thomas A. MODERNITY AND TOTAL WAR: A SUCCESSFUL MARRIAGE? (A CRITICAL ANALYSIS)	16
Kuanbay O.K. JAPAN'S FOREIGN POLICY IN THE POST-BIPOLAR SYSTEM ERA.....	26
Nurmukhambetov A.A. THE ROLE OF THE NATIONAL INTELLIGENTSIA IN THE PREPARATION OF TEXTBOOKS IN KAZAKH LANGUAGE IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY.....	41
Oshan ZH., Botonoev ZH. INFORMATION ABOUT THE BURYTS (KYRGYZ) IN CHINESE ARCHIVE DOCUMENTS STUDIED BY KAZAKH ORIENTALISTS.....	53
Uzhkenov E.M., Shotanova G.A., Moryakova M.T. NOMADIC ELITE IN THE HISTORY OF THE KAZAKH STEPPE: FROM THE EARLY STATE TO THE NOMADIC EMPIRE.....	68

HISTORY

Bizhigitova K., Jampeissova ZH. THE PROBLEMS OF IDENTIFICATION AND SELF-IDENTIFICATION OF THE SEMIRECHYE COSSACKS IN THE LATE XIX th – EARLY XX th CENTURIES.....	84
Duisenova N., Smagulov B. THE MAIN ACTIVITIES OF THE CENTRAL STATE MUSEUM IN THE PERIOD BETWEEN 1940S AND EARLY 1950S.....	97
Komilov N., Kassymova D., Baizhumanova Z. BIAS OF INVESTIGATION MATERIALS IN THE USSR IN THE CONTEXT OF "SADVOKASOVSHINA" (1928–1938)	111
Konyrova A. RESETTLEMENT POLICY OF TSARIST RUSSIA IN KAZAKHSTAN IN THE 1860S–1890S: HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC ANALYSIS.....	124
Mukhatova O. VERNY MEN'S GYMNASIUM AND ZHETYSU FIGURES OF THE ALASH MOVEMENT.....	138
Tashagyl A., G. Mukanova G. THE FATE OF THE FIRST CAPITAL OF SOVIET KAZAKHSTAN.....	154
Shukeyeva A.T., Bukanova R.G., Utegenov M.Z. EVERYDAY LIFE HISTORY IN VIRGIN LANDS OF THE NORTH KAZAKHSTAN.....	166

ANTHROPOLOGY

Kartaeva T., Daubaev Y., Altynbekova E. THE PRACTICE OF WELL RECONSTRUCTION IN THE «KHAN ORDASY» MUSEUM- RESERVE.....	179
Sakenov S., Boroffka N. THE BRONZE SICKLE-SCYTHE – A FIND FROM THE VICINITY OF BURABAY.....	194

EDU.E-HISTORY.KZ

электрондық ғылыми журналы

2023. 10(1)

Бас редактор:
Қабылдинов З.Е.

Компьютерде беттеген:
Зикирбаева В.С.

Жарияланған күні: 28.03.2023.
Пішімі 70x100/16. Баспа табағы 26,6.

Құрылтайшысы және баспагері:

Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитеті
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Редакция мен баспаның мекен-жайы:

050010, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй
ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК
Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru.

Журнал сайты: <https://edu.e-history.kz>

Ш.Ш. Уәлиханов ат. ТжЭИ басылған:
050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй